

Игорь КАЗЕНИН

В 1984 году готовились очередные Дни культуры ГДР в Советском Союзе. Посвящались они 35-летию первого социалистического государства на немецкой земле. И, конечно же, Музыкальный театр должен был принять участие в готовящихся мероприятиях. Тогда-то и решили пригласить нового главного режиссера знаменитого берлинского театра «Комише Опер» Гарри Купфера на постановку в Москву. Но время поджимало, да и Купфер был, что называется, нарасхват. График его работы был очень плотным, о новой оригинальной постановке и речи быть не могло. Тогда возникла идея переноса одного из берлинских спектаклей на сцену московского театра. Обратились к Купферу. Он сразу же предложил название – «Похищение из сераля».

И в Министерстве культуры, и в театре это было встречено с восторгом. Моцарт! По театру весть о том, что придет Купфер и будет ставить «Похищение из сераля», разлетелась мгновенно.

Решение следовало принимать оперативно. Но «Похищение» в «Комише Опер» никто из высших чинов Министерства культуры не видел, руководители Музыкального театра тоже были не знакомы с этим спектаклем. Так случилось, что я один знал эту постановку Купфера – замечательную во всех отношениях. Но...

Основной деталью декорации «Похищения», выполненной итальянским художником Марко Артуро Марелли, являлась стена. Она разделяла сцену на две площадки и один в один была похожа на берлинскую. Эта стена постоянно обыгрывалась: через нее Бельмонт попадал в сад Паши, она разделяла юных влюбленных, к стене приковывали Констанцию и Бельмонта в последней картине оперы.

Тогдашнего директора Музыкального театра Н.А. Золотарева

вызвали в Министерство культуры СССР на совещание по подготовке Дней ГДР. Директор взял меня с собой. Когда дело дошло до нас, Золотарев сразу заявил: «Вот Казенин видел спектакль, пусть и говорит».

Я взахлеб хвалю постановку и стараюсь заглянуть на стол, где лежат фотографии, – нет ли там фото «Сераля». Слава Богу, нет. Никаких возражений не последовало. Правда, когда мы выходили из министерства, директор меня спросил: «Почему ты так волнуешься?»

Работа закипела. Купфер приехал отбирать исполнителей. Позиция его очень жесткая: молодых должны петь молодые! Привезли рабочие чертежи и начали строить декорации. Срочно профессор С.В. Рожновский, сотрудничавший еще с Фельзенштейном, основателем «Комише Опер», делает новый перевод либретто. Начинаются уроки. А я думаю об одном – не открыли бы тайну оформления. Конечно же, я не боялся, так сказать, административной ответственности. Я

ведь всего-навсего завлит. Страшно было, что закроют спектакль.

Я старался не пропустить ни одной репетиции Купфера и его ассистента режиссера Клауса-Диттера Мюллера. Как интересно они работали с актерами, как боролись со штампами, как умело добивались естественной, но в то же время яркой и выразительной игры.

Приближался день премьеры. Уже «берлинская стена» капитально расположилась на нашей сцене. Все, кто хоть раз побывал в Берлине, не узнать ее просто не могли!

На сдачу спектакля пришло много начальства. Но никакого обсуждения не было. Купфера поблагодарили за прекрасную работу и пожелали новых успехов.

...После премьеры состоялся банкет. Всем было жаль расставаться с немецкими друзьями. А меня мучил вопрос: «Не заметили «берлинскую стену», или сделали вид?» Ответ, мне кажется, следует искать в том, что закан-

чивался 1984 год, идеологический контроль начинал исподволь ослабевать, начальство же больше всего боялось скандалов...

Спустя несколько лет я спросил у Клауса-Диттера Мюллера, а как они выпускали «Похищение» в Берлине? Заметило ли их начальство «берлинскую стену»? Клаус только улыбнулся: «А разве похоже?» И в его голубых глазах заиграла веселые чертики. Мы оба засмеялись.

На этом мои «приключения» с берлинской стеной не закончились. 3 октября 1987 года я был на премьере «Дон Жуана» в «Комише Опер». Постановка того же Гарри Купфера. Художник наш, московский – Валерий Левенталь. И вот в финале такая картина. Огромный кулак Командора спускается с колосников и наносит удар по стене, которая опять же один в один похожа на берлинскую. В зале гром аплодисментов. Так что впервые берлинская стена рухнула не в 1989 году, а на два года раньше – на сцене «Комише Опер». ■